

ПОЛОСКА

Молодежный экспериментальный театр-студия представляет публицистическую хронику

«ОБНАЖЕННЫЕ НЕРВЫ ЗЕМЛИ»

АФИША была большею с красными и синими буквами на тонкой, гремлящей, как жест, бумаге. Афиша звала в Ростов, на спектакль о подвиге Анатолия Мерзлова.

«Комсомольская правда» писала о Мерзлове несколько раз.

«Это случилось 3 июля 1972 года. Рязанский комсомолец Анатолий Мерзлов вместе с друзьями работал на пшеничном поле. Это была его вторая жатва после того, как он окончил училище механизации и получил профессию тракториста. Анатолий работал на своем тракторе, подбирал солому. От случайной искры соломы вспыхнула. Рядом было поле еще необранной пшеницы. Пламя могло перекинуться и туда. Сражаясь с огнем, он погиб».

Теперь-то понятно, что в этой истории только искра была случайной. Остальное — закономерно. — Закономерно, как хлеб, который скоро будет расти на поле Мерзлова. Как дождь и солнце, что помогут ему расти и не бояться ветра.

Константин Симонов в очерке «В свои восемнадцать лет» доказал закономерность этого подвига. Он объяснил нам Мерзлова — взрослого, восемнадцатилетнего человека. Показал людей, бывших рядом каждый день и в момент, когда пришла беда. Симонов сравнил военную зиму 1941 года с жарким и дымным летом 1972-го. И оказалось, они похожи: земля во все времена горела одинаково страшно...

САМОЛЕТ в Ростов-на-Дону прилетал в двенадцать. Многие думали, что рейс

задержится — погода испортилась, холодный ветер бил по щекам, и мелкий дождь копал лицо. Но рейс не задержался.

Земля вокруг аэродрома была холодной и пустая. Ни к чему еще не способная... И такая же сухая и твердая лежала земля бороздой в пустом зале Дома культуры. Лежала в проходе, между рядами, как часть декорации. И стулья стояли боком к сцене.

До спектакля оставался час.

Тогда мы познакомились с Тростянецким. Могли бы и раньше. Прошлой осенью, в сентябре, он приезжал в редакцию «Комсомольской правды» с командировочным удостоверением, в котором было написано: «...направляется в отдел писем для ознакомления с материалами об Анатолии Мерзлове».

(Он привезет домой статьи, опубликованные в газете, и письма читателей. И на этом материале напишет пьесу. И прочтет ее ребятам в театре. И они долго будут молчать...).

Теперь он шел через зал — худой, невысокий парень с походкой борца: вразлочку. Он шел и говорил всем, кто стоял над бороздой: «Осторожно, земля». А за спиной у него была сцена с декорациями художника Степана Зогрбяна. На «заднике» сцены — газеты. И прямо по ним идут черные полосы вспаханного поля. На авансцене два окна. Одно ночное, совсем без света. Заклеено белыми конвертами, как большими хлопьями талого снега. Другое, слева, окно военного пусто-

го дома, забитое крест-накрест досками. На них — листки календаря. «Живого или мертвого жди меня двадцать четвертого, двадцать третьего, двадцать пятого — виноватого, невиноватого»...

И под каждым окном — пишущая машинка на тумбочке. Одна старинная — сороковых годов. Другая новая — семидесятых.

ДВА ГЛАВНЫХ вопроса ставил спектакль: стоило или не стоило Мерзлову идти в огонь? И сможем ли мы сделать то же? Ребята из студии давно решили для себя первый вопрос — стоило или нет. Иначе зачем было ставить спектакль и доказывать то, во что не очень веришь сам.

Они верили. И читали всему залу документы и письма — о честности и воровстве, о нежности и жестокости.

Помытие злого и доброго для них было предельно ясно. Золотой середины быть не могло. Компромиссов они не признавали вообще. Какие компромиссы в двадцать лет?

Люди в зале были разные: каждый думал о своем и по-своему. Когда актер Валера Шетников читал приказ офицера гестапо об уничтожении русского госпиталя с тяжелоранеными, пожилые люди за были про спектакль, про театр и время. Их заслонило от всего воспоминание. Здесь они одни видели войну и знали, что такое беспомощность на войне. Нет ничего страшнее, чем горящий госпиталь и деревянный хруст огня. И никто ничего не может сделать...

Когда Виктор Степанов читал письмо в редакцию Григория Шаповалова, письмо о воровстве и разгильдяйстве, рыжий парень, мой сосед по ряду, кивнул согласно и шеп-

нул кому-то: «Все правильно. Мы об этом каждый день говорим в проходной».

Ребята на сцене не слышали его слов. Но важно было другое: появилась связь между залом и сценой. И у этой связи был надежный проводник — полоска земли. И все действие разворачивалось на ней. По ней ходили герои и антитеррор. Земля была им судьей.

В одном маленьком зале встречаются авторы статей, их герои и читатели. Говорят, доказывают, спорят. А спор их должны рассудить зрители.

В зале сидит председатель колхоза, в котором работал Мерзлов. Он тоже со своей правдой. И будет ее отстаивать. Колхоз строит дом для семьи Анатолия, для жены его Вали и их будущего сына. Строит медленно.

Председатель (Виктор Степанов): «Говорят, дом нужен срочно, будто она родит вот-вот. Но это вам не сказка, за неделю избу не поставишь. Если хотите знать, этот дом я строю незаконно. Даже заявления у меня от Мерзловых нет. Не идут они ко мне».

Когда умирает человек, уходит, исчезает все, что он любил, ненавидел, терпел. Так считают живые. Наверное, горе заставляет их так думать. На самом деле очень многое остается. И ошибки его остаются живыми — им ведь надо учиться. Только главное действительно уходит — неповторимость. Неповторимость каждой жизни.

Несложно сделать памятник из человека. Неповторимых памятников нет. Важно сохранить его живым. С его миром, прекрасным и яростным. С пятнами машинного масла на руках, с теплым запахом молодой картошки, хлеба, травы. Важно, чтобы он выросл вместе с нами и